

А.А. СОЛОВЬЕВА

ЗАГРОБНЫЙ МИР В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПУДОЖСКИХ ДЕТЕЙ

Освоение идеи смерти и связанного с нею тематического комплекса присуще детскому сообществу в целом. Тема смерти, смертельной опасности и страх смерти «проживается», проигрывается в различных жанрах детского фольклора. Достаточно вспомнить жутковатых персонажей детских «страшилок» (гроб на колесиках, пятна-убийцы, занавески и пр.) и «вызываний» (чего стоит невидимая Белоснежка, пытающаяся схватить и задушить нерасторопную жертву, или известная практически всем детям Пиковая дама¹). Этот мотив присутствует и во многих детских играх, в которых «убитый» выходит из игры.

Другим отражением той же темы является детская страсть к игровым «захоронениям». Одна из разновидностей — игра в похороны, когда дети хоронят куклу (вырывается ямка, а иногда даже «изготавливается миниатюрный гроб-колода»²) или же в роли покойника выступает один из участников.

Тексты, приведенные ниже, являются еще одной формой осмысления и своеобразного обыгрывания детьми проблемы смерти. Материалы собраны в пос. Красноборский, деревнях Нигижма, Каршево Пудожского р-на Карелии летом 2005 г. Записи делались от детей разного пола и возраста. Указанные деревни являются для большинства из них местом летнего пребывания, остальную часть года они находятся в детских домах, интернатах, некоторые проживают с родителями или родственниками в Пудожье и других населенных пунктах района. Родители большинства детей не имеют работы; во многих семьях нет отцов. При сборе материалов мы пользовались методом «включенного наблюдения», т.е. проводили с детьми как можно больше времени, участвовали в их занятиях, играх, прогулках, посещали с ними лес, соседние деревни, местное кладбище и т.д.

В публикуемых текстах отсутствует агрессивность и высокое напряжение, которые несут страшные истории или «вызывания», сублимирующие, по выражению А.Л. Топоркова³, детские страхи и заставляющие за счет конкретного коллективного переживания в момент рассказа или «вызывания» ос-

АЛЕВТИНА АНДРЕЕВНА СОЛОВЬЕВА, студентка 3-го курса Российского гос. гуманитарного университета (Москва)

вободиться от них. В сформированном детьми загробном мире существа в чистом виде злые или опасные отсутствуют. Его обитатели в большинстве своем поддерживают добрые отношения с живыми родственниками. Рассматриваемая форма проявления детского мироощущения не связана с подражанием или игровым созданием предметных объектов (как в «похоронах» и «зарываниях»). Основной объект их своеобразной игры в данном случае — традиция (начиная от существующих мест захоронения до образцов поведения и рассказов родителей плюс всё, что дети могут узнать из доступных им источников) в сочетании с необходимостью осознать идею смерти и ужиться с ней (тем более что многие из опрошенных детей уже становились ее свидетелями) и ответить на ряд важных вопросов, с ней связанных. На один из них — что будет, когда «того» (по выражению одного из информантов, предпочитавшего избегать слова «умереть»), — дети ответили походя (будет продолжение жизни в другом, загробном, мире). Другой вариант для детского сознания в общем недопустим (да и для многих взрослых тоже). Получается, что умереть — значит начать жить по-другому, и не на земле, а на небе, где, оказывается, специально для этого есть свой мир.

Детская модель загробного мира — на редкость светлая, а иногда и веселая конструкция, вобравшая в себя (по форме и содержанию) множество различных элементов: сказок, игр, страшилок и «вызываний», с одной стороны, и взрослых представлений и правил поведения — с другой. Сравнение с той средой, в которой формировался этот без малого волшебный мир, и рассмотрение его специфических черт и станет основой дальнейшего повествования.

Обратимся для начала к обитателям загробного мира. Некоторые из них — покойник, черт, грешник, призрак — популярные герои «страшилок». О покойнике и говорить нечего; черт иногда встречается в «темном-темном лесу», «черной-черной избе» в своем истинном обличье или принимает вид близкого родича и сидит в доме несчастной жертвы; не успокоившийся призрак мстит новым обитателям дома и т.д. Не менее характерны для загробного мира и персонажи «вызываний», также мо-

гушие навредить. Но, в отличие от «страшилок» и «вызываний», покойники в повествовательном пространстве загробного мира не представляют угрозы: они никого не душат, не едят, а ведут себя крайне миролюбиво и доброжелательно. Может быть, дело в том, что не в пример своим несамделишным родичам они не абстрактные «злые персонажи», враждебные и чужие, и даже не известные личности, а родственники, соседи, знакомые, друзья — «свои», что делает их персонажами добрыми.

Черт и грешник столь же мало похожи на своих собратьев в иных жанрах; их поведение выводит на такие интересные темы, как понимание и приятие детьми категорий греховности и посмертного возмездия, божественной справедливости и пр. (при том что старшие родственники детей-рассказчиков осознают себя в качестве верующих). Именно в таком аспекте и попытаемся посмотреть на этих персонажей немного поближе.

Вот, например, черт. Он владыкараспорядитель, «черт-царь», живущий на небесах, где и располагается, кстати, весь загробный мир. Вот некоторые упоминания о том, что происходит после того, как душа поднимается на небеса. «Ты, значит, стоишь, такой, посреди. А там как такая дымка или туман, ну, что ли, ну, над водой, озеро, как в таком же наше. И три такие полоски. И еще там черт такой, с ним, это, ну как, поговорить что ли можно, и он тебя, это, определит, в общем» [Аня, 12 лет]; «Ты когда заходишь туда, там такие облака круглые, много. В них, каждом, заходишь, что-то есть. Но сначала там хозяин есть. Он сидит, такой, черт, большой, и корона...» [Гая, 12 лет].

Бога без специальной просьбы и упоминать не стали: «А Бог, он... эта, он, знаешь, как бы они вместе все там делают, определяют. Там черт в аду главный самый, наверное, а Бог — в раю. А так они говорят. Бог, он Христос, то есть как, отец он его, Иегова то есть» [Аня, 14]. Таким образом, черт явно более популярен; к нему даже можно обратиться с просьбой.

Грешник в детском загробном мире — это не навеки обреченный несчастный или злодей, получающий по заслугам, а что-то вроде хулигана, который еще может одуматься и исправиться. Такая

фигура воспринимается детьми как отрицательная, хотя она и не лишена определенной притягательности.

Это основные персонажи. Далее идут конкретные персонажи-лица (умершие родственники). Иногда встречаются и ангелы, которые нередко служат сопровождающими на небеса, а еще с ними можно поговорить в раю.

Обратимся теперь к тому, что представляет собой устройство этого загробного мира, и проследим возможный маршрут души. «Когда человек умирает, его душа становится такой легкой, легкой, она парит так и кружится и поднимается на небеса» [Аня, 12 лет]; «Душа вылетает из человека, если что. И ее, это, ее увидеть можно, если прям в этот момент там где-нибудь рядом стоять. Дед умирал когда, душа из него, говорят, типа, как птицей, маленькой такой, или бабочкой вылетела, и там потом прямиком в небо. Наверное, она еще кем-нибудь может вылететь» [Петя, 13 лет]; «Когда душа умирает, она вылетает изо рта и ее подхватывают ангелы. Они красивые все такие, один черный, один белый. Они берут ее за руки и летят на небо» [Галя, 12 лет].

Дальше происходит то, что взрослым уже и не снилось: эта трехчастная модель загробного мира предполагает в целом относительную свободу выбора душой одного из трех мест (земля, ад, рай), куда ей больше хочется. Иногда предполагается, правда, совет или разрешение старшего — черта. С идеей «греховности» все это если и имеет связь, то очень условную.

Рай выглядит примерно следующим образом: «В раю там такое все мягонькое, белое. В раю все на подушках лежат <...> А в раю там еще гуляют, веселятся, яблоки едят там и, как в этом, в рекламе, масло там едят» [Аня, 14 лет]. Если в яблоках можно увидеть намеки на историю грехопадения, то упоминание о масле, скорее всего, указывает на редкость этого продукта в рационе многих местных детей.

Ад представляется местом не особенно благостным, но явно обладает притягательной силой. Например: «Ну, знаешь... в аду там пьют все, курят, матюгаются. Еще там, кто с чертями дружит... всякие там» [Аня, 12 лет]. Другое высказывание рисует тот же образ, но выражает иное отношение к нему: «Там бухают все, видать, это, сутками и все такое. А чё, круто: сидишь себе в раю, отдыхаешь, курить захотелось или, это, чего-нибудь, пойдёшь туда [в ад] покуришь» [Петя, 13 лет]. Получается, что в восприятии детей выстраивается иная причинно-следственная связь: рай не то место, где

Студентка А.А. Соловьева (в центре) со школьницами Машей и Аней — лучшими рассказчицами из пос. Красноборский. 2005 г. Фото А.Л. Топоркова

живут люди, которые вели себя хорошо, а место, где надо вести себя хорошо (не пить, не курить, не «матюгаться»). Иначе могут «переслать в ад». Но и ад в то же время не то место, где находятся те, кто плохо себя вел, — там и положено вести себя плохо.

Реже встречаются суждения, более близкие к традиционным: «Моя бабушка в раю, я думаю. Я хочу, чтобы она там была. В аду вообще, наверное, нет никого, пустой он стоит, только если вообще там какие-нибудь бандиты, которые уже все просто...» [Аня, 14 лет]. Хотя и это переключается с восприятием текущего времени и поведения, а не возмездия за содеянное.

С землей, пожалуй, будет посложнее. Большинство детей в своих рассказах просто говорили о трех возможных путях (дверях, дорогах и пр.) и принципиальной возможности выбора. Выбрал — «и всё». Но есть, правда, один любопытный рассказ, который повествует о самой технологии подобного возвращения: «Там, это, знаешь, человек, кто-нибудь, умирает когда, душа вылетает из него и прилетает на небо. Она туда летит-летит, прилетает, а там, знаешь, такие три воротца, ну, такие, как двери, широкие только. Душа прилетает и смотрит на них. А между ними, это, сидит черт на камне как бы, на таком. И ты, типа, как выбираешь, можешь выбрать, чего хочешь. Допустим, захочешь ты опять на землю, ну. И, это, как бы родиться заново. Тебе тогда подойти нужно к нему,

к черту. Ты подходишь такой и говоришь: "Ты, слушай! Здравствуй, черт. Ты такой хороший, такой, красивый, я тебя так люблю. Люди специально грешат, чтобы быть с тобой подольше". Потом отходишь, там постоишь в сторонке, типа это, погуляешь и минут через пятнадцать опять такой подходишь и говоришь опять: "Ты такой хороший, черт, можно мне родиться? Я хочу на землю и хочу родиться у такой-то и такой-то", — у тебя, например [реплика обращена к собирателю]. И всё получится тогда» [Маша, 11 лет].

Есть мир небесный (мертвых), есть земной (живых), и их обитатели не просто интересуются друг другом, но и состоят друг с другом в родстве (для местных жителей, в том числе для детей, последнее — факт немаловажный). Есть и некоторое подобие ритуала общения между этими мирами. Одной его составляющей является посещение мест захоронения и/или памятных крестов (их может быть даже несколько — по одному от каждого близкого). Дети совершают (летом, по крайней мере) такие паломничества если не ежедневно, то уж точно по нескольку раз в неделю. Пребывания в таких местах накладывают определенные ограничения. Так, находясь на кладбище или проходя мимо придорожного креста, нельзя смеяться, громко говорить (если «не можешь шептать, молчать тогда лучше»), строго запрещено «матюгаться». Существует особый способ здороваться с покойным: стоя перед могилой,

следует провести ладонью над ее поверхностью (символически, собственно, не дотрагиваясь) вдоль от головы к ногам и обратно, можно также дотронуться до креста (если придорожный, то точно нужно), но первое в любом случае обязательно. Все местные дети так делают (взрослые — нет), а вот как некоторые из них это объясняют: «Ну, типа, как проводить... это, ну не знаю, ты здороваешься вроде как. Так ведь там не здороваешься, там обнимаешь, как за руку пожмешь, ну» [Аня, 12 лет]. Или: «Мама и тетя так пришли, когда дедушку вроде хоронили, так провели, как погладили. Так всегда я, надо здороваться. Это как гладить их, им приятно. Они чувствуют, что, типа, любят их, гладят. Надо гладить их» [Маша, 11 лет]. Еще вариант: «Они же мертвые, не такие, как мы. Они свои, но другие. И это, ты такой, когда с ними проводишь так, ты как и здороваешься с ними, и это, как бы рукой так проводишь и защищаешься, закрываешь как бы... и здороваешься, да» [Петя, 13 лет].

Если на могилу приходят чужой, его обязательно представляют умершим и говорят что-нибудь, что показало бы его дружеские отношения с семьей покойника и добрые намерения по отношению к ее членам. Приход чужого (и особенно намеренный привод его на могилу) уже есть знак внимания и уважения к «старшим родичам» дружественной семьи и имеет большую важность в глазах маленьких потомков.

Приход на могилу сопровождается поднесением того, что умерший любил. Это может быть сладкое или яблоки, хотя преобладают скорее спиртное и табак. Мужчинам обычно ставят стопку водки, а женщинам — кружку чая. Курево пользуется наибольшей популярностью. Сигарету надо поджечь и положить на крест или под него и подождать, пока покойник «покурит».

Визиты детей на кладбище имеют характер обыденный и по сути мало чем отличаются от заходов в гости «по пути» к живым родственникам в своей или соседней деревне. Особым образом маркируются праздничные и другие «необычные» дни: «Ну, знаешь, там, это именины если какие или если там святой родится, там как. Еще, это, в день, в число, то есть, когда человек того, погиб, умер в общем. Или это, дерево когда, вербу, в крест втыкают там вокруг, тогда тоже» [Толя, 14 лет]. В такие дни посещение происходит уже совместно со взрослыми родственниками и ощущается как куда более торжественное действие.

Люди из загробного мира тоже, со своей стороны, могут общаться с живыми, чаще всего в сновидениях. Но существует и некая промежуточная форма проявления их активности — еще физически ощутимая, но уже не человеческая. Много рассказов (и детей про самих себя, и в форме пересказов историй взрослых) о бабочке (птице, стрекозе, непонятном маленьком животном), вылетающей из/с могилы или сидящей поблизости или даже вступающей в контакт с пришедшим: «Я, когда еще год или два назад, была, значит, у бабушки, стою, такая, задумалась о ней. И настроение у меня еще такое плохое было... И вдруг, знаешь, бабочка такая голубенькая, как будто ниоткуда появилась и начала летать так, летит вокруг. И она красивая такая, летала, такая, и крыльями касалась, как гладила, знаешь, типа. И мне сразу прошло все, это настроение, и весело даже стало» [Аня, 14 лет].

В другом рассказе из могилы выскакивает какой-то зверь: «Это дядька, значит, пришёл к отцу нашему, деду моему то есть, пришёл, с отцом с моим. Они, значит, долго там сидели, как говорили с дедом, значит. И это, потому они как там с собой принесли и деду налили, ссориться начали. А дед, отец говорил, не любил сильно этого. И они сидят такие уже, ну, ругаются там, и это, сильнее все. Вдруг раз! Как из-под плиты, крест где там, серое что-то — и между ними дало в лес. Такое, как кошка размером или крыса большая, но ни то, ни другое, странное какое-то, такого зверя еще не видели. Они значит, это, испугались, ну такие, повскачили. И, это, думают: все, блин, и здесь деду надоели грызней своей, рассердился, значит, он на них. И потом решили, все, чтоб на кладбище идут — все ссоры оставляют. А то правильно, им дед покажет» [Сережа, 14 лет]. Здесь, помимо прочего, видны и функции, которые выполняют жители «того света»: их активность обретает форму руководства или помощи.

«Духи» составляют отдельный класс потусторонних обитателей. Описания их детьми крайне неясные, но в целом все сводится к тому, что это неузнанный дух кого-то из родственников или друзей. Не обошлось здесь и без влияния «святого духа», который, по рассказам взрослых, обычно помогает выйти из леса или благополучно пройти ночью мимо нечистого места, в том числе кладбища. Ведет себя «дух» исключительно как помощник: «... это, как его, иду как-то, иду, и вдруг шаги такие, типа, как за мной, шелест таковой: чих-чих-чих. Я думаю, там что

медведь или придурак какой-то, туда-сюда позыркал — никого. "Что за это!" — думаю я. Я быстрее давай, оно тоже. Я бегом, а звуки эти, блин, ну, как гонится за мной. Я все уже, весь вспотел, все дрожит, это все, блин. Смотрю и куда, это, бежать-то ломанулся — бля, места незнакомые. Вдруг раз — и стихло... Тишина такая, только сердце так: тын-тын-тын. И луч солнца такой на верхушке, и меня как будто за руку взял кто-то, только не страшно совсем, а как свой такой кто-то. И повел к дороге. Дух это, того отогнал, кто гнался за мной. Только не видно его, он такой прозрачный, невидимый, короче, может, дед, может, Валька [старший брат], один этот, не знаю даже в общем...» [Саша, 15 лет].

Сон — состояние пограничное, и время сна не могло не стать полем пересечения мира живых и «того мира». Обитатели последнего могут приходиться сами, чтобы попросить о чем-то или пожаловаться, если что-то не так (это, правда, чаще случается со взрослыми и обыгрывается также в детских пересказах взрослых историй), утешить, помочь советом и пр. Их можно также провоцировать на контакт: «... ты, когда спать ложишься, так зажмурься крепко-крепко и уже, значит, засыпаешь, а все равно старайся думать о том человеке, уже спишь, и все равно, там имя повторишь и, там, лицо пытайся представить» [Маша, 11 лет]. Еще можно задавать им вопросы, любые, «только важные, которые тебя, там, на самом деле интересуют». «Тогда, значит, если надо с кем-то из своих поговорить и вопросы им задать, тогда ты ложишься и на листочке вопросы пишешь, ну те, которые задать хочешь. Написал, значит, все, сложишь ее так, раз в восемь и под подушку. Потом сверху, такой, ложишься и уже три раза читаешь молитву, ну, какую хочешь, "Отче наш", там, можно. Три раза ее читаешь, значит, и все, и засыпаешь, и тогда точно, кто тебе нужен, — придет и скажет все или напишет» [Маша, 11 лет].

Обитатели «того» света, родственники, друзья и соседи в любой своей ипостаси выступают как существа доброжелательные и «хорошие» по отношению к живым. Интересно, что в большинстве рассказов в роли помощников фигурируют бабушки и дедушки. Это не случайно, ибо отражает реальное отношение детей данного сообщества к старшему поколению. Их образы (и живых, и отошедших в мир иной) практически всегда светлые, занимающие особое положение относительно других родственников. К сожа-

лению, большинство опрошенных детей живут в неполных семьях и в целом воспринимают взрослых вполне критически.

Таким образом, дети (от 11 до 15 лет), в большинстве своем не раз наблюдавшие смерть и слышавшие многочисленные рассказы о ней, сформировали свой «небесный» загробный мир: с тройственной структурой, включающей земное обиталище, выбором, не зависящим от греха и свободным от возмездия, и чертом — главной фигурой на «небесах». Они населили этот мир обитателями близкими и «своими», исключительно дружественными и чуткими (основная функция помощника); у живых с ними существует определенного рода связь, позволяющая общаться двум мирам. Особо почетное место среди этих обитателей занимает поколение бабушек и дедушек. Материал для формирования загробного мира крайне разнообразен: рассказы и формы поведения взрослых (рассказанные ими истории и сны, поведение на кладбище и т.д.), другие жанры детского фольклора («страшилки», «вызывания»), различные источники, вроде книг, игр, телевизора, рекламный образ рая.

Напоследок еще один рассказ, показывающий связь живых и мертвых: «Слушай, а ты часто думаешь о них, ну, о тех, кто умер? А я часто. Это важно, как думать о них. Потому, что ты о них думаешь, они тоже о себе думают. Если ты их любишь там, и хорошо думаешь, они тоже думают, что они хорошие, и тогда они успокаиваются и им хорошо там. А если ты их ругаешь, ну, или просто плохо подумаешь, то они тоже будут [думать], что они такие плохие, и волноваться, места не находить. И если вспоминать плохое, то они как прикованные оказываются к тому моменту и ругают себя так же, как ты их ругаешь. Поэтому их надо любить и хорошо о них думать, тогда им будет спокойно и хорошо, они будут веселиться» [Маша, 11 лет].

Примечания

¹ *Топорков А.Л.* Пиковая дама в детском фольклоре // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998. С. 15—55.

² *Несанелис Д.А., Шаранов В.Э.* Тема смерти в детских играх: опыт этносемиотического анализа (по материалам традиционной культуры коми) // Смерть как феномен культуры: Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1997. С. 123.

³ *Топорков А.Л.* Детские секреты в научном освещении. Обзор современной литературы по детскому фольклору // Новое литературное обозрение. 2000. № 5 (45). С. 352—359.

Е.А. ТИТОВА

ЕВРЕЙСКИЙ ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД В ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ

Материалы для данной статьи собирались во время студенческой этнографической практики, проходившей в июле 2005 г. в г. Черновцы (Буковина) и его окрестностях, и фольклорной экспедиции в Черновцах в октябре того же года. Руководителем обеих экспедиций была М.М. Каспина.

Основным методом сбора информации было интервьюирование. Таким образом, большая часть материала почерпнута из непосредственных бесед как с еврейскими жителями города, так и с украинцами, которые проживают в пригородных населенных пунктах (Куты, Банилов, Вижняца, Вашковцы, Хотин). Соответственно, взгляды на представленный объект в силу культурных различий, разной степени осведомленности и включенности взаимно дополняют общую картину. Следует указать также на то, что многие респонденты из Черновцов являются выходцами из других местечек, поселившимися в Черновцах после войны.

Похороны в еврейской традиции возложены на родственников умершего или на общину в целом (если у покойного нет родственников). Правила захоронения и ритуальной чистоты (осквернение мертвым телом — из числа самых страшных) со временем стали настолько сложными, что исполнение обряда было передано погребальному братству *Хеврот кадиша* (мн.ч. *Хеврот кадиша*), которое следило и за состоянием кладбища. С XVI в. оно стало наиболее влиятельной благотворительной организацией в общинах Центральной и Восточной Европы. Во второй половине XIX в. престиж данной организации снизился, но она продолжала существовать, а вместе с ней сохранялся контроль общины над кладбищем и похоронным обрядом.

В соответствии с постановлениями большевистского правительства в 1918 г., всякое религиозное сообщество отстранялось от исполнения обряда похорон и это право передавалось местным городским властям; кладбища также переходили в собственность государства. На деле Хеврот кадиша продолжали действовать даже в тех местах, где они были формально распущены. В течение 1920-х гг. государство предоставляло похоронному братству открывать частные похоронные конторы и совершать религиозные церемонии на кладбище. Однако с началом 1930-х гг. эти

права были отобраны. Кроме того, в эти десятилетия многие кладбища (в основном старые и уже не используемые) были закрыты и отданы под застройку. Проблемы возникали также из-за того, что Хеврот кадиша не хотели хоронить на еврейском кладбище необрезанных детей, коммунистов или евреев, известных своими антирелигиозными взглядами,

На кладбище в Вижняце надгробия (мацевы) распределены по рядам: мужским, женским (с изображением семисвечника-меноры) и детским (с изображением сломанного цветка). Фото Е.А. Титовой

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТИТОВА, студентка 5-го курса Российского государственного гуманитарного университета (Москва)